

К.Л. Сазонова

КОНЦЕПЦИЯ «МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВА» КАК ОСНОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПОЗИЦИЙ

***Аннотация.** В данной статье рассматривается одна из самых неоднозначных концепций современного международного права — концепция «международного преступления государства». Автор рассматривает мнения по данной концепции представителей как отечественной, так и зарубежной школ международного права, выделяет ключевые моменты и спорные аспекты. В статье также присутствует анализ положений доклада Комиссии международного права ООН «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» 2001 г., особое внимание уделяется категории «серьезные нарушения обязательств, вытекающего из императивной нормы общего международного права». Автор оценивает применимость концепции «международных преступлений государств» к существующим международно-правовым реалиям, с учетом участившихся случаев применения силы в международных отношениях. Кроме того, автор анализирует вопрос о том, какую ответственность могут нести государства, совершившие противоправное деяние, укладывающееся в концепцию «международного преступления государства», рассматривает формы и виды международно-правовой ответственности, субъектами которой могут быть государства, а также сравнивает позиции различных исследователей по данному вопросу. Рассмотрение проблемы международно-правовой ответственности государств за применение силы важно также в свете того, что в последние годы в отечественной доктрине, в отличие от западной, наблюдается определенный дефицит публикаций по данной тематике, несмотря на ее очевидную актуальность.*

***Ключевые слова:** сравнительное правоведение, преступления, государства, ответственность, сила, доктрина, правонарушение, геноцид, агрессия, право.*

Несмотря на то, что один из императивных принципов международного права знаменует «отказ от применения силы и угрозы ее применения»¹ субъектами международного права, в свете изменений международно-политического ландшафта, можно констатировать учащение случаев применения силы в самых разнообразных формах и видах. Серьезную озабоченность всего мирового сообщества вызывают особо тяжкие нарушения норм международного права, посягающие на международные мир и безопасность. В итоговом проекте статей об ответственности государств 2001 г. Комиссия международного права ООН пришла к заключению, что «государство является реально организованным образованием, юридическим лицом, имеющим все полномочия действовать в соответствии с международным правом. Однако признание этого не означает отрицания той элементарной истины, что государство может действовать само по себе».²

В данной статье речь пойдет об этой особой категории случаев применения силы государствами, кото-

рые в доктрине международного права нередко обозначаются термином «международные преступления государств». Из-за того, что по вопросу правомерности использования данного термина и его трактовке отсутствует единство у представителей различных научных школ, особую актуальность также приобретает вопрос о данных действиях как об основании международно-правовой ответственности государств.

После знаменитого инцидента в проливе Корфу, который стал предметом рассмотрения на первом в истории заседании Международного Суда ООН в 1949 г., в ходе рассмотрения дела возник термин «преступления против человечности». Данный термин также активно используется в доктрине, и, фактически, представляет собой разновидность «международного преступления государства». В доктрине международного права также существует термин «преступления международного характера», которым обозначают пиратство, торговлю людьми, наркоторговлю, контрабанду и т.д. Но все эти и другие преступления, составляющие предмет международного уголовного права как отрасли международного права и влекущие ответственность индивидов, совершенно не синонимичны понятию «международные преступления государств».

¹ Устав ООН Устав Организации Объединенных Наций 1945 г. // <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter7.shtml>

² См.: п. 5 Комментария к докладу Комиссии международного права ООН «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» 2001 г.

В процессе работы Комиссии международного права ООН над проектом статей об ответственности государств с 1947 г., довольно скоро стало очевидно, что различные противоправные действия, совершаемые государствами, неравнозначны по силе своего воздействия на систему международных отношений, поэтому предложение разделить их на две категории — особо тяжкие и менее тяжкие — было встречено с пониманием. Специальный докладчик по вопросам ответственности Комиссии международного права ООН итальянский профессор Р. Аго в своем пятом докладе заметил: «Хотим мы того или нет, идея, что в общей категории противоправных деяний необходимо выделять два различных вида таких деяний, постепенно укрепилась в общем сознании»³. Споры в доктрине начались, когда было предложено именовать особо тяжкие правонарушения государств термином «международные преступления», слишком уж очевидна была аналогия с национальным законодательством в отношении физических лиц, — возможно ли вообще считать государство преступником? Кроме того, за пятьдесят лет рассмотрения вопросов ответственности государств Комиссией международного права ООН и в докладах Комиссии, и в международно-правовой доктрине использовался не только термин «международное преступление государства», но и такие термины, как «преступление против мира и безопасности человечества», «преступления против мира», «преступления против человечности», «преступления против человечества» и др. И.В. Фисенко, автор книги «Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве», отмечал, что «нельзя признать обоснованной попытку Н.А. Ушакова подменить общепринятый термин «международные преступления» термином «уголовные преступления международного характера»⁴. Безусловно, подобное разнообразие терминов и отсутствие единства относительно их трактовки не добавляли порядка в и без того сложную отрасль ответственности в международном праве. Классик международного права профессор Я. Броунли справедливо утверждал, что «терминология, связанная с данным вопросом, находится в хаотическом состоянии — факт, который частично отражает различия во взглядах по существу вопроса»⁵.

Кубинский юрист А. Бустаманте уже в 1937 г. использовал термин «международно-уголовное публич-

ное право» для названия отрасли международного права, в рамках которой можно было бы рассматривать уголовную ответственность государств. Отечественный ученый Ю.А. Решетов, в свою очередь, впоследствии высказывал мысль о том, что вопросы уголовной ответственности индивидов можно было бы отнести к международному уголовному частному праву.

В процессе работы над текстом проекта статей об ответственности государств к 1976 г. Комиссия международного права сформулировала эпохальную по своей значимости ст. 19 «Международные преступления и деликты», в которой содержалось определение «международного преступления государства» как «международно-противоправного деяния, возникающего в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление международным сообществом в целом»⁶. Статья 19 вызвала чрезвычайно бурную дискуссию среди представителей государств, и двадцать пять лет спустя при принятии окончательного проекта статей, формулировка «преступление государства» была исключена и заменена на «серьезные нарушения обязательства, вытекающего из императивной нормы общего международного права» (ст. 41)⁷. Таким образом, многолетние усилия Р. Аго, Т. Элайеса, Э. Хамбро и других членов Комиссии международного права ООН по внедрению термина, отражающего реальные действия государств, к огромному сожалению, не увенчались успехом из-за колоссальной политизированности любых вопросов, связанных с международно-правовой ответственностью государств. Можно констатировать, что «международные преступления государств» вновь были сведены к весьма размытому «применению силы» с правом его оценки «международным сообществом в целом»⁸.

Выделение международных преступлений в отдельную категорию международных правонарушений поддерживали М. Бартош, А. Таммес, Р. Аго и др.⁹ в

⁶ Цит. по Лукашук И.И. Право международной ответственности. М., 2004.

⁷ Доклад Комиссии международного права ООН «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» 2001 г.

⁸ Там же.

⁹ См. Бартош М. Разнородные правовые источники в современном международном праве // Международная политика, № 575. Белград, 1974; Tammes A. Decisions of International Organs as a Course of International Law // Recueil de Cours de l'Academie de droit International. La Haye, 1958. Vol. 94. P. 265-266; Ago R. Scritti sulla responsabilita internazionale degli stati. T. 1-2. Naples, 1986.

³ Yearbook of the International Law Commission. Vol. II. 1956. P. 183.

⁴ Фисенко И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Минск, 2000.

⁵ Броунли Я. Международное право. Кн. 1. М., 1977. С. 442.

западной доктрине международного права, а также Г.И. Тункин, Д.Б. Левин, П. Курис, А.Н. Трайнин в советской доктрине международного права¹⁰. За последние двадцать лет в Европе вышел целый ряд научных публикаций, посвященных концепции «международного преступления государства». Среди них можно отдельно выделить публикации Г. Гилберта, А.де Ху, Р. Крайера, М. Спинеди, Э. Вайлера, П.-М. Дюпи и др.¹¹. Тот факт, что концепция «международного преступления» государства продолжает активно дискутироваться в западной доктрине, свидетельствует о том, что она далеко не исчерпала свой потенциал развития, несмотря на исключение данной формулировки из текста проекта статей об ответственности государств. Сторонником концепции «международного преступления государств» на современном этапе в отечественной доктрине можно назвать Ю.Г. Барсегова,¹² однако он разрабатывал эту концепцию в основном в связи с уголовной ответственностью за такое тягчайшее международное преступление, как геноцид. Однако как можно считать ответственность за геноцид исключительно индивидуальной, если учесть, что в ситуации осуществления геноцида государство действует как единый отлаженный механизм, задействуя в процессе реализации геноцида основных должностных лиц, органы государственной власти, армию, средства массовой информации. Н.В. Мошенская отмечает: «Государство, совершающее геноцид, выступает не просто субъектом международного права, нарушающим международно-правовые нормы, оно выступает как политическая организация,

являющаяся источником и спонсором геноцида»¹³. Одному из отцов основателей отрасли международного уголовного права египетскому профессору М. Шерифу Бассиони принадлежит красивая фраза о том, что преступления агрессии и геноцида «потрясают совесть человечества»¹⁴, поэтому они затрагивают интересы всего международного сообщества.

Кроме ситуаций геноцида, схожими характеристиками обладает бурно обсуждаемое ныне явление так называемого «государственного терроризма», когда государство для реализации собственных внешнеполитических целей использует либо собственные спецслужбы, либо активно поддерживает и финансирует террористические организации. В случае дальнейшего развития концепции «международного преступления государства» представляется уместным включить преступления государственного терроризма в перечень оснований международно-правовой ответственности государств.

Противником концепции «международных преступлений государств» выступает известный итальянский юрист А. Кассезе. Он настаивает на том, что международными преступлениями следует называть только те правонарушения, которые могут повлечь за собой только индивидуальную уголовную ответственность совершивших их лиц. При этом он предлагает перечень международных преступлений, включающий в себя военные преступления, преступления против человечности, преступления геноцида, преступления пытки, агрессию и «некоторые экстраординарные формы терроризма (серьезные проявления поощряемого государством или терпимого государством международного терроризма)»¹⁵. Классификация А. Кассезе, тем не менее, не получила широкого признания в доктрине.

Это отсылает нас к чрезвычайно важному вопросу о том, какие конкретно действия можно отнести к «международным преступлениям государства». Вопрос достаточно спорный и сложный, так как проект статей об ответственности государств «не содержит «первичных» норм, нарушение которых влечет международную ответственность. Он состоит лишь из «вторичных» норм, регулирующих установление того, было ли нарушено обязательство, и если да, то какими должны быть последствия этого нарушения»¹⁶. Кроме того,

¹⁰ См. Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966; Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон. М., 1969; Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970; Курис П. Международные правонарушения и ответственность государства. Вильнюс, 1973.

¹¹ См. Gilbert G. The Criminal Responsibility of States // *International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 39, n. 2, April 1990. P. 345-369; Dupuy P.-M. Dionisio Anzilotti and the Law of International Responsibility of States. Vol. 3, n. 1, 1992. P. 139-148; De Hoogh A. Obligations Erga Omnes and International Crimes: A Theoretical Inquiry Into the Implementation and Enforcement of the International Responsibility of States. Martinus Nijhoff Publishers, 1996. P. 465; Wyler E. From 'State Crime' to Responsibility for 'Serious Breaches of Obligations under Peremptory Norms of General International Law' // *The European Journal of International Law*. Vol. 13, n. 5, 2002; Spinedi M. State Responsibility v. Individual Responsibility for International Crimes: Tertium Non Datur? // *The European Journal of International Law*. Vol. 13, n. 4, 2002; Cryer R. International Criminal Law vs. State Sovereignty: Another Round? // *The European Journal of International Law*. Vol. 16, n. 5, 2006; Nollkaemper A. Systemic Effects of International Responsibility for International Crimes // *Santa Clara Journal of International Law* 313, 2010. P. 313-352.

¹² См.: Барсегов Ю.Г. Геноцид армян – преступление по международному праву. М., 2000. 272 с.

¹³ Мошенская Н.В. Проблема ответственности за геноцид. М., 2008. С. 45.

¹⁴ Cherif Bassiouni M. *Crimes Against Humanity in International Criminal Law*. Martinus Nijhoff Publishers, 1999. 610 p.

¹⁵ Cassese A. *International Criminal Law*. Oxford University Press, 2003. P. 36.

¹⁶ Фисенко И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Минск, 2000.

в свете технических и экономических возможностей эпохи глобализации, остро встает вопрос о том, что конкретно может входить в содержание понятия «применение силы» — только лишь действия, связанные с использованием военной силы, или же еще, например, экономическое и политическое давление? Многолетняя блокада Кубы Соединенными Штатами Америки, политическая и финансовая поддержка США «арабских весен» и «цветных революций» — это «применение силы» или же просто определенный внешнеполитический курс? Если считать все вышеназванное применением силы, как в таком случае, возможно решить вопрос о привлечении США к ответственности? Все это отсылает нас к неоднозначности трактовки международно-правовых норм субъектами международного права, в частности, Соединенными Штатами Америки. Министр иностранных дел С.В. Лавров отметил, что США вообще имеют длинный «послужной список нарушений международного права»¹⁷, назвав это «аномалией». Однако из-за общей неупорядоченности отрасли международно-правовой ответственности, вопрос об ответственности многих государств за применение силы остается до сих пор открытым, во многом из-за того, что термин «применение силы» в международном праве сам по себе чрезвычайно многозначен. При этом, если преступления агрессии, геноцида, апартеида, экоцида, колониализма более или менее четко определены и раскрыты в международно-правовых документах, то понятия «государственный терроризм» или же «гуманитарная интервенция» по-прежнему вызывают слишком много споров в доктрине, чтобы утвердиться в качестве возможных оснований международно-правовой ответственности государств.

В целом, можно констатировать, что отношение к содержанию понятий «применение силы» и «международные преступления государств» менялось в течение времени в ответ на возникавшие вызовы и угрозы. В этом отношении показательны слова Н.А. Ушакова в 1983 г., что «никакой особой международно-правовой ответственности не существует и существовать, очевидно, не может»¹⁸. Двадцать лет спустя Комиссия международного права ООН в Проекте статей об ответственности государств вводит термин «международно-правовая ответственность» государства. Таким образом, нельзя исключать возможность того, что в обозримом будущем ответственность государств выйдет

на качественно новый уровень с применением новых формулировок. Согласно ст. 3 проекта статей об ответственности государств, «квалификация деяния государства как международно-противоправного определяется международным правом»¹⁹. Учитывая то, что особенностью международного права является его способность меняться в ответ на изменения международных отношений, можно предположить самые различные варианты развития тематики международно-правовой ответственности государств.

Важнейшим вопросом ввиду опасности явления международных преступлений государств является вопрос о форме реализации ответственности государствами. Поскольку речь в данной статье идет о «международных преступлениях государств» как основании ответственности, то нельзя не упомянуть о весьма неоднозначной концепции «уголовной ответственности» государств, которая возникла путем проведения прямой аналогии между системами международного и национального права. Лейтмотивом криминализации ответственности государств стал вопрос о предотвращении международных преступлений. В период с 1922 по 1926 г. на сессиях Ассоциации международного права уже звучали предложения о потенциальной возможности возникновения уголовной юрисдикции в отношении государств. Однако, поскольку даже идея введения в международно-правовую терминологию понятия «международные преступления государств» в свое время вызвала столь ожесточенное сопротивление представителей ряда государств, в частности, Великобритании и США, что его пришлось убрать из итогового доклада Комиссии международного права ООН, идея уголовной ответственности государств за международные преступления сегодня представляется практически неосуществимой, во многом из-за того, что ее обязательным фундаментом является наличие надгосударственной структуры, обладающей развитым механизмом принуждения. Ряд авторов, наоборот, утверждают, что концепции «преступлений государств» и «уголовной ответственности» не обязательно должны быть связаны, так как что аппарат международного права принципиально отличается от механизма государственного принуждения, например, Д.Б. Левин, обосновывая позицию «международных преступлений государств», подчеркивал, что речь идет о преступлении не в смысле уголовного права, а в смысле международного публичного права»²⁰.

¹⁷ Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на встрече со студентами и коллективом Дипломатической академии МИД России, Москва, 25 февраля 2013 г. // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/AD5CCC0AF4E15AEC44257B1D003DA311

¹⁸ Ушаков Н.А. Основания международной ответственности государств. М., 1983. С. 23.

¹⁹ Доклад Комиссии международного права ООН «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» 2001 г.

²⁰ Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966. С. 29.

Что же сегодня реально возможно предпринять против государства, совершившего противоправное деяние? Собственно, вариантов не так уж много. В доктрине традиционно выделяют две категории международно-правовой ответственности: политическую (в форме санкций, реторсии, репрессалии, ресторации, сатисфакции, исключения из международной организации и т.д.) и материальную (в форме реституции, компенсации и субституции). Относительно терминологии данных категорий в доктрине также никогда не было единства. Например Д. Анцилотти вместо термина «политическая ответственность» использовал термин «удовлетворение», а материальную ответственность называл «возмещением ущерба»²¹. Л. Оппенгейм полагал, что любая форма ответственности должна выражаться в форме материальной компенсации за причиненный ущерб и официального извинение со стороны правонарушителя²². М.Х. Фарукшин выступал против выделения политической ответственности государства в качестве самостоятельной формы ответственности, и выделял материальную и нематериальную ответственность государства²³. Комиссия международного права в проекте статей об ответственности государств 2001 г. для обозначения материальной ответственности использует термин «возмещение вреда» (ст. 34), а термин «политическая ответственность» вообще отсутствует, а из вариантов данного вида ответственности упомянута только сатисфакция (ст. 37). При этом международные

реалии свидетельствуют о том, что даже указанные формы ответственности применяются далеко не во всех случаях нарушения государствами норм международного права. Именно поэтому в сфере ответственности можно констатировать определенный «кризис жанра», так как при современном состоянии системы международных отношений и международного права многие потенциально перспективные концепции, например, «международных преступлений государств» или «уголовной ответственности государств» остаются замороженными, так как развитие этих концепций требует достижения компромиссов между государствами по слишком многим международно-правовым вопросам.

В целом, можно констатировать, что в последнее время интерес к концепции «международные преступления государств» среди представителей западных школ в целом выше, чем в среде представителей отечественной доктрины. В любом случае, выведение института международно-правовой ответственности государств за «применение силы» или же за «международные преступления» на качественно новый уровень кодификации и координации требует значительных изменений парадигмы современного международного права и международных отношений, которые должны сопровождаться повышением взаимодействия специалистов в области международного права из разных стран, выработки новых подходов к проблематике международно-правовой ответственности.

Библиографический список:

1. Барсегов Ю.Г. Геноцид армян — преступление по международному праву. М., 2000. 272 с.
2. Бартош М. Разнородные правовые источники в современном международном праве // Международная политика. № 575. Белград, 1974.
3. Броунли Я. Международное право. Кн. 1. М., 1977. 535 с.
4. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на встрече со студентами и коллективом Дипломатической академии МИД России, Москва, 25 февраля 2013 г. // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/AD5CCC0AF4E15AEC44257B1D003DA311
5. Доклад Комиссии международного права ООН «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» 2001 г. (с комментариями).
6. Курис П. Международные правонарушения и ответственность государства. Вильнюс, 1973. 280 с.
7. Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966. 152 с.
8. Лукашук И.И. Право международной ответственности. М., 2004.
9. Мошенская Н.В. Проблема ответственности за геноцид. М., 2008.
10. Оппенгейм Л. Международное право. М., 1948.
11. Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон. М., 1969.
12. Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970.

²¹ Anzilotti D. Teoria generale della responsabilita dello Stato nel diritto internazionale. Firenze, 1902.

²² Оппенгейм Л. Международное право. М., 1948.

²³ Фарукшин М.Х. Международно-правовая ответственность: (Сущность и основание) // Международная правосубъектность. М., 1971. С. 165.

13. Устав ООН Устав Организации Объединенных Наций 1945 г. // <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter7.shtml>
14. Ушаков Н.А. Основания международной ответственности государств. М, 1983.
15. Фарукшин М.Х. Международно-правовая ответственность: (Сущность и основание) // Международная правосубъектность. М., 1971. С. 165.
16. Фисенко И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Минск, 2000. 336 с.
17. Ago R. Scritti sulla responsabilita internazionale degli stati. T. 1-2. Naples, 1986.
18. Anzilotti D. Teoria generale della responsabilita dello Stato nel diritto internazionale. Firenze, 1902.
19. Cassese A. International Criminal Law. Oxford University Press, 2003.
20. Cherif Bassiouni M. Crimes Against Humanity in International Criminal Law. Martinus Nijhoff Publishers, 1999. 610 p.
21. Cryer R. International Criminal Law vs. State Sovereignty: Another Round? // The European Journal of International Law Vol. 16, n. 5 2006.
22. De Hoogh A. Obligations Erga Omnes and International Crimes: A Theoretical Inquiry Into the Implementation and Enforcement of the International Responsibility of States. Martinus Nijhoff Publishers, 1996. P. 465.
23. Dupuy P.-M. Dionisio Anzilotti and the Law of International Responsibility of States Vol. 3, n.1, 1992. P. 139-148.
24. Gilbert G. The Criminal Responsibility of States // International and Comparative Law Quarterly. Vol. 39. n. 2, April 1990. P. 345-369.
25. Nollkaemper A. Systemic Effects of International Responsibility for International Crimes // Santa Clara Journal of International Law 313, 2010. P. 313-352.
26. Spinedi M. State Responsibility v. Individual Responsibility for International Crimes: Tertium Non Datur? // The European Journal of International Law. Vol. 13, n. 4. 2002.
27. Tammes A. Decisions of International Organs as a Course of International Law // Recueil de Cours de l'Academie de droit International. La Haye, 1958. Vol. 94. P. 265-266.
28. Wyler E. From 'State Crime' to Responsibility for 'Serious Breaches of Obligations under Peremptory Norms of General International Law' // The European Journal of International Law Vol. 13, n. 5, 2002.
29. Yearbook of the International Law Commission. Vol. II. 1956.

References (transliteration):

1. Barsegov Yu.G. Genotsid arмян — prestuplenie po mezhdunarodnomu pravu. M., 2000. 272 s.
2. Bartosh M. Raznorodnye pravovye istochniki v sovremennom mezhdunarodnom prave // Mezhdunarodnaya politika, № 575. Belgrad, 1974.
3. Brounli Ya. Mezhdunarodnoe pravo. Kn. 1. M., 1977. 535 S.
4. Vystuplenie i otvety na voprosy Ministra inostrannykh del Rossii S.V.Lavrova na vstreche so studentami i kolektivom Diplomaticheskoy akademii MID Rossii, Moskva, 25 fevralya 2013 goda // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/AD5CCC0AF4E15AEC44257B1D003DA311
5. Doklad Komissii mezhdunarodnogo prava OON «Otvetstvennost' gosudarstv za mezhdunarodno-protivopravnye deyaniya» 2001 g. (s kommentariyami)
6. Kuris P. Mezhdunarodnye pravonarusheniya i otvetstvennost' gosudarstva. Vil'nyus, 1973. 280 s.
7. Levin D.B. Otvetstvennost' gosudarstv v sovremennom mezhdunarodnom prave. M., 1966 152 s.
8. Lukashuk I.I. Pravo mezhdunarodnoy otvetstvennosti. M., 2004.
9. Moshenskaya N.V. Problema otvetstvennosti za genotsid. M., 2008.
10. Oppengeym L. Mezhdunarodnoe pravo. M., 1948.
11. Traynin A.N. Zashchita mira i ugovovnyy zakon. M., 1969.
12. Tunkin G.I. Teoriya mezhdunarodnogo prava. M., 1970.
13. Ushakov N.A. Osnovaniya mezhdunarodnoy otvetstvennosti gosudarstv. M, 1983.
14. Farukshin M.Kh. Mezhdunarodno-pravovaya otvetstvennost': (Sushchnost' i osnovanie) // Mezhdunarodnaya pravosub'ektnost'. M., 1971. S. 165.
15. Fisenko I.V. Bor'ba s mezhdunarodnymi prestupleniyami v mezhdunarodnom ugovovnom prave. Minsk, 2000. 336 s.